

Джеффри Евгенидис
А порою очень
грустны

Jeffrey Eugenides

The Marriage
Plot

Джеффри Евгенидис

А порою очень
грустны

Перевод с английского
Анны Асланян

издательство **corpus**

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7С0Е)-44

Е14

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Евгенидис, Дж.

Е14 А порою очень грустны: роман / ДЖЕФФРИ ЕВГЕНИДИС ; пер. с англ. А. Асланян — М. : Астрель : CORPUS, 2012. — 341, [3] с.

ISBN 978-5-271-44997-0 (ООО “Издательство Астрель”)

“А порою очень грустны” — под таким названием впервые по-русски выходит долгожданный роман известного американского прозаика Джеффри Евгенидиса *The Marriage Plot* (2011 г.). Первый шумный успех пришел к писателю после публикации бестселлеров “Девственницы-самоубийцы” (1993 г.) — книга экранизирована Софией Коппола (1999 г.), и “Средний пол” (Пулитцеровская премия, 2003 г.).

Роман “А порою очень грустны” — повествование, насквозь проникнутое любовью, рассказывает о выпускниках университета Брауна начала восьмидесятых, где в эти же годы учился сам Евгенидис. Главные герои книги — влюбленная в викторианскую эпоху Мадлен, которая пишет диплом по теме “Матримониальный сюжет”, и ее друзья — Леонард и Митчелл, их кумиры Эко, Деррида, Хемингуэй. Романтически настроенной Мадлен предстоит быстро повзрослеть, пройдя через нелегкие испытания, а ее друзьям — один из них станет мужем Мадлен — почувствовать, какая глубокая социальная пропасть их разделяет.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7С0Е)-44

ISBN 978-5-271-44997-0 (ООО “Издательство Астрель”)

© 2011 by Jeffrey Eugenides

© А. Асланян, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012

© ООО “Издательство Астрель”, 2012

Издательство CORPUS ®

Содержание

Влюбленный безумец	11
Паломники	183
Гениальная идея	311
Почил в мире	399
А порою очень грустны	443
Набор на все случаи жизни для незамужней девушки	513
<i>Слова благодарности</i>	541

*Соседям по общежитию,
Стиви и Му-му*

*Люди влюбляются лишь потому,
что слышали разговоры о любви.*

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО

*И можно спросить себя:
как же я тут очутился?..
И можно сказать себе:
Это не мой прекрасный дом.
И можно сказать себе:
Это не моя прекрасная жена.*

TALKING HEADS

Влюбленный
безумец

Для начала посмотрите, сколько тут книжек. Романы Эдит Уортон, расставленные не в алфавитном порядке, а по дате выхода; полное собрание Генри Джеймса в издании “Современной библиотеки”, подарок от ее отца на двадцатиоднолетие; потрепанные книжки в мягкой обложке — то, что задавали по программе в колледже: много Диккенса, чуть-чуть Тrolлопа, а также многочисленные Остин, Джордж Элиот, доблестные сестры Бронте. Целая куча черно-белых мягких обложек издательства *New Directions*, главным образом — поэзия таких авторов, как Х. Д.¹ и Дениз Леверттов². Романы Колетт, которые она читала по секрету от всех. Первое издание “Супружеских пар”, принадлежавшее ее матери, в которое Мадлен украдкой заглядывала еще в старших классах; теперь же она пользовалась им в качестве текстуального материала для диплома по английской литературе на тему “Матримониальный сюжет”. Короче говоря, средних размеров, но пока еще портативная библиотека, включающая все, что Мадлен читала в колледже, сборник текстов, подобранных на первый взгляд случайно: круг охватываемых вопро-

1 Х. Д. — Хильда Дулитл (1886–1961), американская поэтесса.

2 Дениз Леверттов (1923–1997) — американская поэтесса.

сов постепенно сужается, словно в каком-нибудь тесте на тип характера, — сложном, в котором не жульничаешь, не предугадаешь, к чему клонится дело, и под конец запутываешься настолько, что остается лишь отвечать правду без прикрас. А потом ждешь результата, надеясь, что выйдет “натура художественная” или “страстная”, втайне опасаясь “личности, склонной к нарциссизму” или “хорошей хозяйки”, но в конце концов тебе выдают ответ, который можно понимать и так и эдак, который воспринимаешь по-разному, в зависимости от дня недели, времени суток и того, что за парень тебе попался на этот раз: “неизлечимый романтик”.

Вот какие книги были в комнате, где в утро выпускной церемонии лежала Мадлен, засунув голову под подушку. Она прочла их все до единой, многие по нескольку раз, нередко подчеркивая те или иные отрывки, но сейчас ей от этого было не легче. Мадлен пыталась не обращать внимания на комнату и все, что в ней. Она надеялась отплыть обратно, туда, в забвение, в котором безмятежно пребывала последние три часа. Страхни она еще хоть каплю сна — и ей придется столкнуться лицом к лицу с некоторыми неприятными фактами, как то: количество и разнообразие спиртного, принятого накануне вечером, а также то, что она легла спать, не сняв контактные линзы. Размышления о подобных деталях, в свою очередь, вызывают в памяти причины, из-за которых она столько выпила, а этого ей действительно не хотелось. Поэтому Мадлен поправила подушку, чтобы отгородиться от раннего утреннего света, и попыталась снова заснуть.

Но у нее ничего не вышло — именно в этот момент на другом конце ее квартиры раздался звонок в дверь.

Начало июня, Провиденс, штат Род-Айленд, солнце уже почти два часа как взошло, осветив белесую бухту и дымовые трубы фабрики “Наррагансетт-электрик”, и продолжало подниматься, словно солнце на эмблеме Брауновского университета, которой были украшены все флаги и плакаты, развешанные по кампусу, — солнце с глубокомысленным лицом, символ

знания. Однако это вставшее над городом солнце обскакало то, метафорическое, поскольку основатели университета в своем баптистском пессимизме решили изобразить свет знания окутанным облаками, намекая, что миру людей еще не удалось избавиться от невежества; а тем временем настоящее солнце уже пробивалось через пелену облаков, бросая вниз обломанные лучи света и внушая полчищам родителей, промокшим и озябшим за выходные, надежду, что плохая, не по сезону, погода, возможно, не испортит сегодняшний праздник. Свет разливался по всему Колледж-хиллу, по геометрически правильным садам георгианских особняков и пахнущим магнолией передним дворикам викторианских домов, по выложенным кирпичом тротуарам, идущим вдоль черных железных оград, какие бывают на карикатурах Чарлза Аддамса или в рассказах Лавкрафта, по улице перед художественными студиями Род-Айлендской школы дизайнера, где какой-то студент-живописец, проработав всю ночь, включил на полную мощность Патти Смит; солнце сияло, отражаясь от инструментов (туба и труба) двух музыкантов университетского оркестра, пришедших раньше времени и нервно озирающихся, гадая, куда подевались все остальные; освещало выложенные брусчаткой переулки, ведущие вниз по холму к грязной реке; сияло на каждой медной дверной ручке, на каждом крылышке насекомого, на каждой травинке. И тут, подпевая свету, внезапно залившему все вокруг, в квартире Мадлен на четвертом этаже, словно стартовый пистолет, подающий сигнал к началу всех действий, зазвучал — громко, настойчиво — дверной звонок.

Она скорее ощутила вибрацию звонка, чем услышала звук, который пронзил ее позвоночник, словно электрошок. Одним движением сорвав с головы подушку, Мадлен села. Она знала, кто звонит. Это были ее родители. Она условилась встретиться с Олтоном и Филлидой в 7:30, чтобы вместе позавтракать. Так они договорились два месяца назад, в апреле, и вот теперь родители явились в назначенное время, полные нетерпения и обязательные, как всегда. В том, что Олтон с Филли-

дой приехали из Нью-Джерси на ее выпускную церемонию, в том, что сегодняшней повод для праздника был не только ее достижением, но и их собственным, родительским, ничего плохого или неожиданного не было. Однако проблема у Мадлен состояла в другом: впервые в жизни она не желала принимать в этом празднике никакого участия. Гордиться собой она не могла. У нее не было настроения праздновать. Значительность этого дня и все, что он символизировал, потеряли для нее всякий смысл.

Она подумала: что, если не открывать? Но было ясно: если не откроет она, это сделает кто-нибудь из соседок, и тогда ей придется объяснять, куда она прошлым вечером запропастилась и с кем. Поэтому Мадлен соскользнула с постели и неохотно встала на ноги.

На миг возникло впечатление, будто стояние на ногах удается неплохо. Голова казалась на удивление легкой, словно выдолбленной. Но потом кровь, оттекая от головы, будто песок в песочных часах, дошла до самого узкого места, и затылок взорвался болью.

В самой сердцевине этого свирепого огневого вала, словно идя прямо оттуда, снова загремел звонок.

Она вышла из спальни и, босиком проковыляв к домофону в коридоре, шлепнула по кнопке “Ответ”, чтобы звонок заткнулся.

— Алло?

— Что случилось? Ты что, звонка не слышала? — Это был голос Олтона, как всегда глубокий и властный, пусть и выходил он из крохотного динамика.

— Извините, я в душе была, — ответила Мадлен.

— Так мы тебе и поверили. Может,пустишь нас?

Мадлен не хотелось их впускать. Сперва ей надо было умыться.

— Сейчас спущусь, — сказала она.

На этот раз она слишком долго держала палец на кнопке “Ответ” и не услышала слов Олтона. Нажав ее снова, она ска-

зала: “Пап?”, но Олтон, видимо, говорил одновременно с ней, и когда она нажала “Прием”, раздался только шум помех.

Воспользовавшись моментом, Мадлен прислонилась лбом к дверному косяку. Дерево было приятным на ощупь, прохладным. Ей пришла в голову мысль: если так и держать лицо прижатым к успокаивающей деревянной поверхности, может, и головная боль пройдет, а если держать лицо прижатым к косяку весь день и при этом каким-то образом суметь выйти из квартиры, тогда ей, может, удастся пережить завтрак с родителями, пройти с выпускной процессией и получить диплом об окончании университета.

Она подняла лицо и снова нажала “Ответ”.

— Пап?

Но ответил голос Филлиды.

— Мадди! Что случилось? Впусти нас.

— Мои соседки еще спят. Я сейчас спущусь. Не звоните больше в дверь.

— Но мы хотим посмотреть твою квартиру!

— В другой раз. Сейчас спущусь. Не звоните.

Она сняла руку с кнопок и отступила на шаг, сердито глядя на домофон, словно желая сказать: только попробуй пикнуть. Он не стал пробовать, и она пошла по коридору назад. На полпути в ванную ей преградила дорогу Эбби, соседка, появившаяся из своей комнаты. Она зевнула, провела рукой по пышным волосам и тут, заметив Мадди, улыбнулась с понимающим видом.

— Ну что, — сказала Эбби, — и куда это ты смылась вчера?

— Родители приехали, — ответила Мадди. — Надо идти с ними завтракать.

— Давай-давай, рассказывай.

— Нечего тут рассказывать. Мне пора.

— А что ж ты так и не переоделась?

Не отвечая, Мадлен опустила глаза и взглянула на себя. Десятью часами раньше, когда она взяла на вечер у Оливии черное платье от Бетси Джонсон, ей казалось, что оно смотрится

на ней хорошо. Но теперь платье душило и липло, толстый кожаный пояс походил на удавку для садомазохистских игр, а на подоле было пятно, происхождение которого ей устанавливать не хотелось.

Тем временем, постучавшись в дверь, Эбби вошла в спальню к Оливии.

— Вот тебе и Мадди, вот тебе и разбитое сердце, — сказала она. — Вставай, полюбуйся, а то проспишь самое интересное!

Путь в ванную был свободен. Мадлен требовалось в душ — необходимость острая, прямо-таки медицинская. Ей надо было, как минимум, почистить зубы. Но уже послышался голос Оливии. Скоро вместо одной соседки ее будут допрашивать двое. Родители вот-вот снова начнут звонить. Она как можно тише прокралась по коридору назад. Сунула ноги в стоящие у двери туфли, смяв задники в попытке удержать равновесие, и выбралась из квартиры.

В конце ковровой дорожки с цветочным узором ее подждал лифт. Мадлен поняла, почему он там ее поджидает — она не задвинула дверцу на место, вывалившись оттуда несколькими часами раньше. На этот раз она закрыла дверцу как следует, нажала на кнопку первого этажа, и древнее устройство, встряхнувшись, начало спускаться во мраке, царившем внутри здания.

Дом, где жила Мадлен, напоминавший замок в неороманском стиле, огибал выпирающий угол двух улиц, Бенефит-стрит и Черч-стрит; построенный в начале века, он назывался Наррагансетт. С той поры уцелели витражное окошко в крыше, бронзовые канделябры на стенах, отделанный мрамором вестибюль, а также лифт. Словно гигантская клетка для птиц, он был сделан из закругленных металлических прутьев и, как ни странно, до сих пор работал, хотя двигался очень медленно. Пока кабина опускалась, Мадлен воспользовалась минуткой, чтобы придать себе более приличный вид. Она провела руками по волосам, расчесала их пятерней. Почистила передние зубы указательным пальцем. Вытерла глаза, куда попали кусочки туши, и облизала губы. Наконец, проезжая мимо

перил на третьем этаже, взглянула на свое отражение в небольшом зеркале, висевшем на задней стенке лифта.

Хорошо быть двадцатидвухлетней особой по имени Мадлен Ханна. Одно из преимуществ состояло в том, что три недели романтических страданий, за которыми последовала ночь вакхического пьянства, не нанесли ей заметного ущерба. Если не считать припухлости вокруг глаз, Мадлен была все так же миловидна и темноволоса, как всегда. Симметричные линии лица — прямой нос, скулы и подбородок как у Кэтрин Хепберн — отличались едва ли не математической точностью. Лишь небольшая морщинка на лбу говорила о том, что в глубине души Мадлен ощущает легкое беспокойство.

Из лифта видны были ожидающие внизу родители. Они застряли между наружной и внутренней дверьми вестибюля: Олтон в легком пиджаке в полоску, Филлида в темно-синем костюме, в тон которому она подобрала сумочку с золотым замочком. На секунду Мадлен охватило желание остановить лифт — пусть родители так и останутся торчать в холле, забитом ерундой, какую можно найти в любом университетском городке: плакаты, изображающие группы Новой волны с названиями вроде “Гнусное убожество” и “Мокрощелки”, порнографические рисунки в стиле Эгона Шиле, сделанные парнем из Род-Айлендской школы дизайна с третьего этажа, все эти назойливые ксерокопии, скрытый смысл которых заключался в том, что здоровые патриотические ценности, исповедуемые старшим поколением, отправлены на свалку истории, а на смену им пришел нигилистический эмоциональный настрой постпанковой эпохи; Мадлен и сама не понимала, что это такое, но с удовольствием выводила из себя родителей, притворяясь, будто понимает. Тут лифт остановился на первом этаже, она отодвинула дверцу и вышла им навстречу.

Первым внутрь прошел Олтон.

— Вот и она! — воскликнул он. — Выпускница университета!

В свойственной ему манере — так, словно бросался к сетке, — он кинулся вперед и заключил ее в объятия. Мадлен за-

стыла, испугавшись, что от нее пахнет алкоголем или, хуже того, сексом.

— Не понимаю, почему ты нас не впустила посмотреть квартиру, — сказала подошедшая следом Филлида. — Мне так хотелось познакомиться с Эбби и Оливией. Мы будем рады пригласить их на ужин вечером.

— На ужин мы не остаемся, — напомнил ей Олтон.

— Может, и останемся. Зависит от того, какие у Мадди планы.

— Нет, мы так не договаривались. Мы договаривались позавтракать вместе с Мадди, а потом, после церемонии, уехать.

— Вечно твой отец со своими договорами, — обратилась Филлида к Мадлен. — Ты в этом платье на вручение пойдешь?

— Не знаю, — ответила Мадлен.

— Никак не могу привыкнуть к этим подплечникам, все девушки их теперь носят. Такой мужеподобный вид.

— Это Оливии платье.

— Вид у тебя, Мад, довольно измочаленный, — сказал Олтон. — Вчера хорошо погуляли?

— Да так, не особенно.

— У тебя что, своей одежды нет? — спросила Филлида.

— Мам, я же мантию сверху надену. — С этими словами Мадлен, чтобы остановить дальнейшие расспросы, двинулась мимо них к выходу.

На улице солнце, проиграв бой с облаками, скрылось. Судя по всему, погода не особенно улучшилась по сравнению с выходными. Студенческий бал в пятницу прямо-таки залило. В воскресенье вручение дипломов бакалавра проходило под непрерывным морозящим дождем. Теперь, в понедельник, дождь прекратился, однако холод стоял такой, какой обычно бывает скорее на Святого Патрика, чем на День памяти.

Дожидааясь родителей на тротуаре, Мадлен вспомнила, что до секса дело, по сути, не дошло. Хоть какое-то утешение.

— Твоя сестра передает, что приехать, к сожалению, не сможет, — сказала, выйдя на улицу, Филлида. — Ей сегодня надо Ричарда Львиное Сердце везти на ультразвук.

Ричард Львиное Сердце был девятинедельный племянник Мадлен, которого все остальные называли Ричардом.

— Что с ним такое? — спросила Мадлен.

— Якобы у него одна почка уменьшенная. Врачи советуют за ней приглядывать. Я лично считаю, что все эти ультразвуки только создают причины для волнения.

— Кстати об ультразвуке, — сказал Олтон, — мне надо колее-но обследовать.

Филлида не обратила на него внимания.

— В общем, Элли страшно расстроена, что не придет на твой выпуск. И Блейк тоже. Но они надеются, что вы заедете к ним летом, по дороге на Кейп, — ты со своим новым приятелем.

В обществе Филлиды нельзя было терять бдительность. Вот ведь как: вроде бы рассказывает про Ричарда Львиное Сердце с его уменьшенной почкой, а сама уже ухитрилась переключить разговор на нового друга Мадлен, Леонарда (Филлида с Олтоном его еще не видели) и на Кейп-Код (Мадлен сообщила о своих планах поселиться там вместе с ним). В обычный день, когда голова работает, Мадлен удалось бы не дать Филлиде себя подловить, но в это утро она была способна лишь на одно — пропустить эти слова мимо ушей.

К счастью, Олтон сменил тему:

— Так что, где бы нам тут позавтракать?

Мадлен обернулась и неопределенно посмотрела в направлении, куда вела Бенефит-стрит:

— Вон там есть одно место.

Она потащила по тротуару. Ходьба — движение — кажется, это неплохая мысль. Она провела их мимо череды домов старинного вида, ухоженных, на которых висели плакаты, оставшиеся с давних времен, мимо большого многоквартирного здания с островерхой крышей. В городке Провиденс царил коррупция, бушевала преступность, верховодили банды, но здесь, наверху, в районе Колледж-хилл, это было незаметно. Внизу, в отдалении, виднелся мрачный пейзаж: контуры центра городка и текстильные фабрики, готовые закрыться или уже

закрытые. Здесь же узкие улочки, многие из них мощенные булыжником, взбирались кверху мимо особняков или вились вокруг пуританских кладбищ, забитых надгробиями не шире входа в рай, — улицы с названиями, происходящими от слов “панорама”, “благоклонность”, “надежда” и “встреча”. Все они вливались в кампус на лесистой вершине холма. Физическое возвышение само по себе внушало мысль о возвышении интеллектуальном.

— Эти тротуары из сланцевых плит — такие милые, правда? — сказала идущая за ней Филлида. — У нас на улице раньше тоже были такие. Все-таки они куда привлекательнее. Но администрация решила их заменить на бетонные.

— Нам же это еще и влетело в копеечку, — добавил Олтон.

Он слегка прихрамывал, идя сзади. Правая штанина его темно-серых брюк раздулась — под ней был ортопедический наколенник, который он носил на теннисном корте и не только. Олтон уже двенадцать лет подряд был чемпионом клуба в своей возрастной категории — известный типаж: не первой молодости, лысеющую макушку окаймляет повязка, неровный удар справа, взгляд человека, готового на все ради победы. Мадлен всю жизнь безуспешно пыталась выиграть у Олтона. Это особенно злило сейчас, когда она играла лучше, чем он. Но стоило ей выиграть у Олтона сет, как он начинал применять запугивающие приемы, вести себя грубо, спорить по поводу очков, и игра у нее не клеилась. Мадлен переживала: вдруг это некая схема, вдруг ей суждено всю жизнь поддаваться мужчинам, которые слабее ее. Как следствие этого, игра в теннис с Олтоном стала для Мадлен таким непомерно важным личным переживанием, что она всякий раз напрягалась, и результаты выходили предсказуемые. Причем Олтон, когда выигрывал, все равно торжествовал, все равно расцветал и подпрыгивал, словно одержал верх лишь благодаря своему уменью.

На углу Бенефит-стрит и Уотермен-стрит они перешли улицу, оставив позади белый шпиль Первой баптистской церкви. Там шли приготовления к церемонии — на лужайке

устанавливали колонки. Человек в галстук-бабочке, с виду похожий на замдекана по работе со студентами, нервно курил сигарету и осматривал связку воздушных шариков, привязанную к церковной оgrade.

К этому времени Филлида успела поравняться с Мадлен и взяла ее под руку, чтобы одолеть неровную сланцевую плитку, которая вспучилась от корней узловатых платанов, росших вдоль тротуара. В детстве Мадлен считала мать симпатичной, но это было давно. С годами лицо Филлиды отяжелело, щеки начинали обвисать, как у верблюда. Одежда, которую она носила, была консервативна по стилю — так могла бы одеваться филантропка или женщина-посол — и обычно скрывала ее фигуру. Сила Филлиды была в ее волосах. Они были уложены в дорогую прическу — гладкий купол, похожий на раковину эстрады, где дают это давно идущее представление, — ее лицо. Сколько Мадлен себя помнила, Филлида никогда не лезла в карман за словом, правила этикета были ее стихией. В кругу друзей Мадлен любила посмеяться над манерами матери, соблюдающей формальности, но часто ловила себя на том, что, сравнивая ее поведение с поведением других, отдает предпочтение ей.

Сейчас же Филлида смотрела на Мадлен с подобающим данному моменту выражением: там читалось возбуждение, предвкушение блестящей церемонии, искреннее желание задавать умные вопросы всем преподавателям Мадлен, с какими ей только доведется познакомиться, или обмениваться любезностями с другими родителями выпускников. Короче говоря, она была открыта для всех и готова на все, готова была к этим общественным и научным торжествам, и все это лишь усугубляло ощущение Мадлен, что сама она ни к чему подобному не готова — ни сегодня, ни в будущем, никогда.

Как бы то ни было, она устремилась вперед, через Уотермен-стрит, вверх по ступенькам “Карр-хауса”, в поисках убежища и кофе.

Кафе только что открылось. Парень за прилавком, в очках как у Элвиса Костелло, промывал аппарат для эспрессо. За сто-

ликом у стены девушка с розовыми волосами торчком курила сигарету, ароматизированную гвоздикой, и читала “Невидимые города”. Из стоявшей на холодильнике стереосистемы доносилась песня “Отравленная любовь”.

Филлида, прижав сумочку к груди, словно для защиты, остановилась, чтобы изучить развешанные по стенам студенческие произведения: шесть картин, на которых были изображены мелкие, запаршивевшие собаки в ошейниках из пластмассовых бутылок.

— Как интересно, правда? — благожелательно сказала она.

— Богема, — откликнулся Олтон.

Мадлен усадила родителей за столик у окна в нише, как можно дальше от девушки с розовыми волосами, и направилась к прилавку. Парень не торопился подходить. Она заказала три кофе — себе большой — и бублики. Пока бублики поджаривались, она отнесла кофе родителям.

Олтон, не способный сидеть за завтраком, ничего не читая, взял с соседнего столика брошенную кем-то газету “Голос городка” и принялся ее изучать. Филлида открыто таращилась на девушку с розовыми волосами.

— Неужели ей так удобно? — поинтересовалась она приглушенным голосом.

Обернувшись, Мадлен увидела, что девушкины потрепанные черные джинсы держались на булавках, которых было несколько сотен.

— Не знаю, мам. Может, ты ее саму спросишь?

— Боюсь, как бы не наколотся.

— Если верить этой статье, — сказал Олтон, не отрываясь от “Голоса”, — гомосексуализм до девятнадцатого века не существовал. Его изобрели. В Германии.

Кофе был горячий, способный вернуть человека к жизни. Пригубив его, Мадлен начала немного приходить в себя.

Через несколько минут она поднялась, чтобы принести бублики. Они немного подгорели, но ждать новых не хотелось, поэтому она взяла их и вернулась за столик. Олтон, рассмотрев

свой бублик, с кислым выражением лица принялся скрести его пластмассовым ножом, словно в наказание.

— Так что, ты нас познакомишь сегодня с Леонардом? — спросила Филлида.

— Вряд ли, — ответила Мадлен.

— Ты нам ничего не хочешь сообщить?

— Нет.

— Вы по-прежнему собираетесь поселиться вместе этим летом?

К этому моменту Мадлен успела откусить от своего бублика. Ответить на вопрос матери было непросто: строго говоря, Мадлен с Леонардом поселиться вместе не собирались, так как расстались три недели назад; тем не менее Мадлен не потеряла надежды на примирение; к тому же ей стоило больших усилий приучить родителей к мысли, что она будет жить с парнем, и теперь обострять обстановку признанием, что эти планы отменяются, не хотелось. Учитывая все это, она с облегчением указала на полный рот — ответить она не могла.

— Ну что ж, ты теперь взрослая, — сказала Филлида. — Можешь делать что хочешь. Однако прошу занести в протокол, что я этого не одобряю.

— Ты это уже заносила в протокол, — встрял Олтон.

— И все равно это идея неудачная! — воскликнула Филлида. — Я не имею в виду приличия. Я говорю о практических проблемах. Если ты начинаешь совместную жизнь с Леонардом — или с любым другим молодым человеком, — и при этом у него работа есть, а у тебя нет, то с самого начала ты в невыгодном положении. Что будет, если вы не сойдетесь характерами? Куда ты тогда пойдешь? Тебе негде будет жить. И заняться нечем будет.

Мать была права в своей оценке ситуации; трудное положение, о котором она предупреждала Мадлен, было именно тем трудным положением, в котором она уже оказалась, поэтому соглашаться с ней Мадлен не тянуло.

— Ты вот ушла с работы, когда со мной познакомилась, — сказал Олтон, обращаясь к Филлиде.

— Поэтому я знаю, о чем говорю.

— Может, сменим тему? — наконец произнесла Мадлен, проглотив еду.

— Конечно, милая. Больше ни слова не скажу об этом. Если у тебя изменятся планы, всегда можешь приехать домой. Мы с отцом будем тебе очень рады.

— Я — нет, — сказал Олтон. — Зачем она мне нужна? Переезжать обратно к родителям — из этого никогда ничего хорошего не выходит. Живи себе где-нибудь подальше.

— Не волнуйся, — ответила Мадлен. — Так и сделаю.

— Тебе выбирать, — продолжала Филлида. — Но если в самом деле приедешь домой, можешь жить в мансарде. Будешь сама себе хозяйка.

К своему удивлению, Мадлен поймала себя на том, что обдумывает это предложение. Может, рассказать родителям все, свернуться в клубок на заднем сиденье машины, и пускай они отвезут ее домой? Можно будет поселиться в своей бывшей спальне, где кровать, похожая на санки, и собственноручно выбранные обои. Можно стать старой девой, как Эмили Дикинсон, писать стихи, полные черточек и таланта, никогда не толстеть.

Голос Филлиды вывел ее из задумчивости.

— Мадди! Это не твой друг Митчелл там?

Мадлен повернулась на сиденье:

— Где?

— По-моему, это Митчелл. На той стороне улицы.

В церковном дворе на свежестриженном газоне действительно сидел, по-восточному поджав ноги, Митчелл Грамматикус, “друг” Мадлен. Губы его шевелились, словно он разговаривал сам с собой.

— Ты не пригласишь его к нам присоединиться? — сказала Филлида.

— Прямо сейчас?

— А что такого? Я буду очень рада повидаться с Митчеллом.

— Он, наверное, своих родителей ждет.